

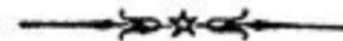
Часы
LES AVANTAGES DE LA DERNIERE
Год
GUERRE.

„Прой
Годъ, пар M. Dragomanov.

А -
ХДО ЧЕГО

ДО ВОЕВАЛИСЬ?

М. ДРАГОМАНОВА

ЖЕНЕВА
GEORG, LIBRAIRE-ÉDITEUR

1878

ЗАКЛ

З 3

ПЕЧАТАЕТСЯ:
«Громада», ПРОВІДНИКЪ IV.

ПРИГОТОВЛЕНО КЪ ПЕЧАТИ:

«Славянська Громада»: вип. I
 Переднє слово; вип. II Историческая
 Польша и демократія; вип. III Житъ-
 ть сербського народу з початку аж
 до наших часів.

Общество пособия политическим изгнанникамъ изъ Россіи существуетъ въ Женевѣ съ 1877 г. Отчеты печатаются въ «Громадѣ», «Общинѣ» и отдельно. Взносы принимаютъ члены комитета, а также редакціи «Громады» (Rue des Tranchées de Rive 24. Michel Dragomanov) и «Общины».

Члены комитета:

*M. Драгомановъ.
 А. Яхонцій.
 Н. Штейнбергъ.*

Кассиръ: *B. Черкезовъ.*

ДО ЧЕГО ДОВОЕВАЛИСЬ?

Пророкомъ быть трудно, а въ отечествѣ, говорятъ, совсѣмъ невозможнo. Но угадчикомъ быть, право, совсѣмъ не такъ трудно, даже въ явленіяхъ политической жизни, не смотря на слабое еще развитіе общественныхъ наукъ. Не трудно это особенно въ Россіи, конечно, главнымъ образомъ благодаря первобытности и простотѣ всѣхъ ея политическихъ вопросовъ. Чтобы предсказывать ходы и исходы какого хотите политического положенія въ Россіи, вовсе не надо особой мудрости или учености. Надо только не быть отъ природы холопомъ или барышникомъ, какъ наши столичные

газетчики, знать въ самомъ общемъ очеркѣ исторію Россіи и не затуманивать себя умышленно разными «дымами отечества» и фразами въ родѣ тѣхъ, какими затуманиваютъ себя и другихъ, напр., послѣдніе могикане и прихвостни московскаго славянофильства

Люди, которые обладали иѣкоторымъ запасомъ такихъ далеко не божескихъ и болѣе даже отрицательныхъ, чѣмъ положительныхъ, добродѣтелей, могли смыло предсказать всѣ ходы и исходы дѣяній россійской имперіи въ послѣдніе семь періодъ такъ называемаго восточнаго вопроса, отъ герцоговинскаго восстания 1875 г. до берлинскаго договора 1878 г.

Намъ самимъ довелось четыре раза являться печатно съ предсказаніями, которыя, къ нашему сожалѣнію, всѣ исполнились. Такъ еще во «внутренней» печати въ 1875 и 1876 гг., видя растущую неизбѣжность взрыва въ югоизападномъ славянствѣ, мы старались высказать въ самой мягкой формѣ мысль, что нечистыя руки московско-штегербургской имперіи не могутъ выполнить задачи даже вѣнѣнія освобожденія хотя бы под-турецкихъ славянъ. (Киевскій

Телеграфъ 1875, № 69 « Надежды и разочарованія въ западномъ славянствѣ. » *Молва*, 1876 г., № 41. С.Петербургъ « Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ »). Въ концѣ 1876 г., когда Россія уже неизбѣжно затягивалась въ войну, мы писали:

« Только политическая свобода: всенародное земское представительство, съ контролемъ надъ дѣйствіями исполнительной власти, съ исприкосновенной свободой лица, слова, сходокъ, обществъ — можетъ обеспечить хоть сколько нибудь согласіе дѣятельности правительства съ национальными интересами и общественнымъ мнѣніемъ, своевременность проявленія этой дѣятельности, не ждущей, чтобы турки вырѣзали десятки и сотни тысячъ братьевъ нашихъ прежде, чѣмъ мы надумаемся помочь имъ; — а также только политическая свобода можетъ хоть сколько нибудь охранить нашего солдата отъ тѣхъ злоупотреблений и хищничества, которые были причиной неудачи восточной войны 1854 — 56 гг. Уже въ маломъ видѣ, въ дѣлѣ помощи сербамъ, мы могли поучиться тому, что за люди успѣли всплыть на верхъ штабнаго и госпитального завѣдыванія

дѣлами, и какъ начали уплывать деньги, корпія, одѣяла. Посмотримъ что будетъ, когда настанетъ война; — не «станетъ ли опять богъ на Араатѣ смотрѣть, какъ крадутъ въ Комиссариатѣ», не придется ли опять сочинять пѣсенки въ родѣ: «А какъ третьяго числа насть нелегкая пессла» — и кончать ихъ опять крѣпкимъ словцомъ тѣмъ, — «кто туда водилъ!»

«Говорятъ,—теперь такъ не будетъ. Дай богъ; — но это будетъ счастье: вѣдь одинаковыя причины производятъ одинаковыя слѣдствія, а нашъ политический строй и теперь совершенно таковъ же, какъ и до паденія Севастополя.» (Турки внутренніе виѣшніе. Женева. 1876, стр. 8).

Въ серединѣ 1878 г., между *второй и третьей Плеиной* мы писали:

«Одно вѣроятно, что съ надеждами на скорое и радикальное рѣшеніе восточнаго вопроса разъ на всегда, на какое могла бы быть вѣроятность, если бы въ прошломъ году русское общество сначала отменило въ Россіи господство турокъ внутреннихъ, а потомъ уже принялось за турокъ виѣшніхъ, — придется на этотъ разъ,

проститься! (ВНУТРЕННЕЕ РАБСТВО И ВОЙНА
ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ. Женева 1877, стр. 26).

Теперь послѣ всего, что предшествовало
войнѣ, послѣ того, что дѣлалось на войнѣ
съ солдатами и погонцами, послѣ С.Сте-
фанскої черновой и Берлинской бѣловой
бумаги мы вправѣ сказать, что, къ со-
жалѣнію, мы не ошибались.

О томъ, почему все должно было про-
изойти такъ, «ко стыду» все то, что,
думалось, пойдетъ «ко славѣ», мы говорили
въ прежде напечатанныхъ статьяхъ, ссыла-
ясь на исторію московской и петербургс-
кой туреччины. Къказанному нами ос-
тается прибавить не много и то больше
напоминать, какъ крупицѣ факты послѣд-
ней войны доказываютъ наглядно, что во-
ронъ ворону глазъ не выклюстъ, а осо-
бенно не освободить циплена.

Что война началась поздно, по менышей
мѣрѣ на годъ позже, чѣмъ слѣдовало, —
это теперь всѣ сознали въ Россіи. Неужели
же не ясно и то, что государство, которое у
себя дома медлитъ самими первоначальны-
ми мѣрами къ облегченію крестьянства,
въ родѣ устраненія подушнаго, мучить со-
ціалистовъ, уральскихъ козаковъ, чигириц-

скихъ крестьянъ, — хлопочеть объ обрушении окраинъ и т. п., — не можетъ горячиться по поводу «агарныхъ и податныхъ реформъ» на Балканскомъ полуостровѣ или проводить тамъ «политику автономіи национальностей?» Не очевидно ли, что членъ Dreikaiserbund'a, союза трехъ императоровъ, (всѣ три — нѣмцы!) не можетъ же не сочувствовать больше своему австрійскому кузену, чѣмъ не то уже сербскимъ мужикамъ, но даже ихнимъ полу-мужицкимъ князьякамъ, не смотря на все ихъ послушаніе? Вѣдь нужно быть послѣднею тупицею, чтобъ, какъ г. Иванъ Аксаковъ, надѣяться, что царь не утвердитъ Берлинскаго трактата, послѣ того, какъ этотъ царь назвалъ, въ разговорѣ съ англійскимъ посломъ, идею о полной государственной независимости румуновъ, сербовъ и болгаръ глупостю. Наконецъ было бы чудомъ, если бы государство съ обобраннымъ до голодація народомъ, съ народомъ, котораго умышили не хотѣли учить даже грамотѣ, государство, въ которомъ естественнымъ подборомъ только неучи, бездарности и иллюты допускаются «до степеней извѣстныхъ» и правятъ тамъ подъ крыльышкомъ.

святости царской семьи всѣми дѣлами безъ суда и контроля публичнаго, — было бы чудомъ, если бъ такое государство могло вести короткія и удачныя войны и не струсило бы коалиціи другихъ государствъ.

А если это такъ, то страшныя утраты во время веденія войны и жалкіе ея результаты должны быть совершенно естественны.

Обязательно и добровольно холопская печать въ Россіи мало говоритъ о томъ, чего стоила послѣдняя война, а за то величаются «безпримѣрнымъ зимнимъ походомъ черезъ Балканы.» Да, — походъ безпримѣрный, — но между прочимъ по безпримѣрной жестокости тѣхъ, кто въ это время долженъ быть облегчать участъ солдатъ! Самая возможность подобнаго похода естественно наводить на мысль, что страшное напряженіе силъ солдатскихъ и страшная гибель людей въ походѣ и послѣ него быти бы избѣгнуты, если бы наши государственные люди и военачальники ис sunулись за Дунай такъ на обумъ еще лѣтомъ и не прозвѣвали такъ постыдно Илевны. Тогда бы походъ черезъ Балканы совершился лѣтомъ, и

не было бы безпримерного истребления
нашихъ солдатъ. Тогда, быть можетъ, не
дошло бы хоть до такой степени ипримѣрное
воровство интенданства, которое три мѣся-
ца оставляло солдатъ почти безъ всякаго
фуража, — если уже въ Россіи совсѣмъ
невозможно обойтись безъ воровства при
всякомъ публичномъ дѣлѣ.

Такой походъ, каковъ бытъ зимній пе-
реходъ черезъ Балканы, не могъ не ослаб-
ить армію въ такой степени, что сдѣлалъ
ее неспособною довершить дѣло занятіемъ
Галиполи и Константинополя. Неспособ-
ность же начальниковъ и дипломатіи до-
вершила дѣйствіе прежнихъ ошибокъ и
слабости арміи и создала то двусмыслен-
ное положеніе, въ какомъ русская армія
находится и до сихъ поръ, при которомъ
большая часть результатовъ войны ста-
ла спорцою и непрочною. Къ этому слѣ-
дуетъ прибавить, что вообще положеніе
арміи, котораядвигается отъ Дуная на
Константинополь, не можетъ быть проч-
нымъ, если она ведетъ только войну,—
а не войну и революцію вмѣстѣ. Какъ
армія,—она всегда можетъ быть угрожа-
сма съ тылу арміей Австріи, одной, или

вмѣстѣ съ румынскай. Походъ на Константинополь есть въ сущности революція,— а потому, чтобы быть усъдѣшнымъ, онъ долженъ сопровождаться открытою революціею народа румынского, болгарского, сербскаго, греческаго, албанскаго, --- да еще такою революціею, которая бы нашла себѣ сочувствіе, если не параллельную революцію, среди народовъ въ Австріи.

Но гдѣ жъ таки русскому правительству идти обѣ руку съ революціею? Оно поступило совсѣмъ иначе. При самомъ началѣ оно отказалось отъ всякой поддержки балканскихъ народовъ: предало сербовъ, оттолкнуло румынъ и грековъ, бросило слова презрѣнія болгарамъ! Мы де сами все дѣло справимъ! А какое дѣло?! Читавшіе манифестъ, изданный при вступлении русскихъ войскъ въ Болгарію, не могли въ толкъ взять, за чѣмъ это ведется война, если не для перемѣны турецкихъ губернаторовъ! Дальше, сосредоточивъ всѣ свои заботы на самомъ пассивномъ изъ всѣхъ балканскихъ народовъ, болгарахъ, — очевидно въ надеждѣ, что они окажутся самыми послушными, — петербургскіе и московскіе правители и

военачальники принялись бранить и этихъ болгаръ и—первое дѣло — озабочились устроить надзоръ «за революционными стремлениями Молодой Болгаріи,» т. е. завели въ Болгаріи прежде всего III Отдѣленіе! Всѣ же порядки осталось какъ и при турецкихъ пашахъ, и сами московскіе славянофилы съ своимъ помпадуромъ, кн. Черкасскимъ, не поминали даже и пресловутыхъ Положеній 19 февраля и никакихъ аграрныхъ вопросовъ.

Такъ, сякъ,—а русскія войска заняли почти всю землю болгарскую. Но никто не только не позаботился объ организаціи болгаръ такимъ образомъ, чтобы они могли сами составить силу, которая могла бы поддержать армію, но даже не позаботились о созваніи болгарскихъ представителей,— на мнѣніе которыхъ можно было указать во время споровъ съ европейскими дипломатами объ участіи этихъ странъ. Славянофиль и земецъ кн. Черкасскій не позволялъ даже болгарамъ издавать газету, въ которой бы могло быть опровергаемо то, что говорили о Болгаріи и болгарахъ фанаріотскіе органы!

Мудрено ли, что послѣ всего этого во

всемъ міръ стала смѣшна фраза, что русская армія является освободительницею даже болгаръ, а не то уже всѣхъ народовъ Европейской Турціи? Удивительно ли, что чадомъ этого невѣроятнаго положенія вышло такое издѣліе, какъ С.Степанскій договоръ, нелѣпости котораго могли быть превзойдены только Берлинскимъ трактатомъ?

Когда какое нибудь государство съ страшными усилиями оканчиваетъ побѣдами войну съ «наследственнымъ врагомъ,» да еще съ «утѣшителемъ родственныхъ ему народовъ,» освобожденіе которыхъ «составляетъ-де его вѣковое предназначение,» — тогда и народы этого государства, и освобожденные народы, и весь міръ наконецъ вправѣ отъ него ждать чего нибудь радикального, чего нибудь такого, послѣ котораго не было бы уже надобности оять поднимать страшныя тяжести войны. По здравому разуму передъ нашими побѣдителями было только три логическихъ дороги:

захвативъ Константинополь и Галиполи, —или распорядиться съ Балканскимъ полуостровомъ, какъ сами бы захотѣли,

или обратиться къ освобожденнымъ отъ турецкаго ига народамъ и, созвавъ изъ нихъ учредительное собраніе, предоставить имъ, при своемъ посредничествѣ, самимъ раздѣлъ Турціи и устройство страны,

или же, наконецъ, если уже петербургскій дворъ одержимъ такою охотою вершить дѣла, добытая цѣною крови нашихъ солдатъ.—не иначе, какъ съ согласіемъ кабинетами европейскихъ державъ,—объявить имъ о концѣ турецкой власти въ Европѣ и пригласить ихъ на конгрессъ, который бы, исходя изъ этого неотмѣнного принципа, придумалъ подробности устройства для Балканского полуострова. (Послѣдняго ожидали отъ петербургскаго кабинета даже берлинскія офиціальные газсты).

Очевидно, что первая дорога была всего труднѣе и мало желательна и для Россіи, и для балканцевъ. Оставалась вторая или третья.

Не петербургско-московская дипломатія придумала нѣчто свое, и при томъ, надо сознаться, дѣйствительно въ своемъ вкусѣ, т. е. во вкусѣ достойныхъ наследниковъ

МОСКОВСКИХЪ ПРИКАЗНЫХЪ И НЕСТЕРБУРГСКИХЪ КАНЦЕЛЯРСТВЪ, С. Стефанскій договоръ — это произденіе московскаго «умника,» ген. Игнатьева, — это иѣчто лишенное всякой широкой лдской подкладки, всякаго синтеза, иѣчто и загребистое, и уступчивое, — и дерзкое, и низкопоклонное, — и блудливое, и трусливое, — совершенно московское произведеніе, отъ кото-раго можно ждать всего, кроме логики.

Изъ всѣхъ народовъ подтурецкихъ С. Стефанскій договоръ всего больше даетъ болгарамъ, очевидно потому, что они даютъ всего больше надежды на то, что ими дольше всего можетъ руководить московская лапа. Менѣе покорные, — греки и даже сербы — проданы. Турція разрѣзана до смѣшного, а въ тоже время сї оставлено слишкомъ много, — конечно для того, чтобы показать сї, что ты молъ нась знай, захотимъ, — помилуемъ, — что тебѣ Биконс菲尔дъ! Въ добавокъ греки и болгаре и даже сербы и болгаре размежеваны такъ, чтобы между ними никогда не было ладу, и чтобы они вѣчно нуждались въ посредничествѣ «старшаго брата.» И тутъ же чуть не въ каждомъ

параграфъ находимъ по реверансу «Европѣ», «великимъ державамъ» и особенно любезной Австро-Венгріи. За то, чтобы сорвать на комъ нибудь это униженіе, великий побѣдитель накидывается на союзника, который, такъ или иначе, а быть ему очень полезенъ, и грабить у него кусокъ земли, (въ которомъ народъ — румуны или болгаре, а русскихъ горсть) кусокъ, отъ коего Россія не разбагатѣтъ, а честью свою утрачиваетъ. Въ довершеніе наша дипломатія только и заявила настойчивость въ этомъ пунктѣ — въ дѣлѣ насилия надъ слабѣйшимъ союзникомъ. Все другое она готова передѣлать по приказу «великихъ державъ», и даже по просьбѣ Турціи, и признастъ договоръ прелиминаріей прелиминарии! Вещь неслыханная и явно безтолковая, хотя будто бы тонко задуманная: дескать, пожалуйте, господа, погоргусемся, — кто больше дастъ, тому и больше отрѣжу. — Чего отрѣжу? — болгарскаго, да сербскаго, да греческаго мяса!

Мудрено ли, что подобный договоръ не удовлетворилъ никого, — и всего меныше под-турецкіе народы, — которыхъ мнѣнія

о ихъ судьбѣ великодушный освободитель не спросилъ даже и для приличія. Онъ призналъ ихъ «не достойными о себѣ совѣтывать,» какъ иѣкогда, во время Богдана Хмельницкаго, малороссовъ, имѣвшихъ пакиность положиться «на царя восточнаго, православнаго.» «Освобожденіе народы» не знали и того, какъ имъ быть, не исключая и болгаръ, которыхъ посулили исожиданію золотыя горы, — и тутъ же сказали, что впрочемъ можетъ быть изъ нихъ еще и урѣжутъ что. Нужно себѣ представить положеніе болгарина Игнатьевской Болгаріи, гдѣнибудь въ Румеліи или Македоніи, который по истинѣ не могъ знать, «ложиться ли ему спать, или вставать,» чтобы оценить всю нелѣпость С.Степанскаго договора. Европейскія биржи сразу сложили ему цѣну, спустивши русскій рубль съ 272 сантимовъ, до которыхъ онъ было поднялся во время Адріанопольскихъ переговоровъ, на 218! Договоръ этотъ стоилъ русскому войску и финансамъ иѣсколькоихъ мѣсяцевъ ни войны, ни мира, среди которыхъ Турція оправилась, Англія заняла важные пункты, Румынія приняла явно враждебное положеніе, всыхнуло воз-

станіс мусульманъ, Австрія стала показывать зубы.

Никакія увертки Игнатьева не помогали.

Тогда то выступилъ на сцену бывшій начальникъ шпіоновъ, гр. Шуваловъ, и уладилъ Берлинскій трактатъ, какъ улаживается III Отдѣленіе разводы велико-свѣтскихъ супруговъ: ни сюда,—ни туда!

Мы полагаемъ нѣтъ надобности долго разбирать этотъ трактатъ, которымъ сербы окончательно разрублены на три части, а Герцеговина и Боснія, начавшіе дѣло, и, вытерпѣвшіе столько бѣдъ, преданы во власть австрійской бюрократіи, Болгаре разбиты на четыре части, изъ которыхъ одна (въ Добруджѣ) отдана румунамъ, другая (Восточная Румелія) возвращена туркамъ, третяя (Македонія)—всякаго рода башибузукамъ и озлобленнымъ мусульманскимъ бѣглцамъ, которыхъ турецкое правительство, конечно, не замедлитъ тамъ поселить. Это раздѣленіе открываетъ перспективу такой же деморализациіи сербовъ и болгаръ, какой подверглись украинцы, раздѣленные Аидрусовскимъ миромъ 1667г. И въ довершеніе всего,— положеніе подъ

Константинополемъ отголосъ тоже, что и было!

Чтобы успокоить какънибудь спра-
ведливо возмущенное въ Россіи и во всей
Славянщинѣ чувство, петербургское пра-
вительство, коего глава еще недавно при-
зывалъ благословеніе божіе на «испол-
неніе святаго дѣла до конца», — теперь
напечатало въ «Правительственномъ Вѣст-
никѣ» какое то бормотаніе, изъ котораго
узнаешь, что моль Берлинскій трактатъ
— не конецъ дѣла, а только этапъ! Нечего
сказать, — утѣшительно и для народовъ
Россіи и для балканцевъ, которымъ этотъ
этапъ стоилъ столько крови! Вѣдь, чего
добраго, если бъ балканцы ждали только та-
кого этапа, то предпочли бы сами какъ ни-
будь улаживаться съ Турцію. Теперь же ко
всему прочему они попали подъ сѣмь ия-
некъ европейскихъ комиссаровъ; добрая
доля ихъ (Боснія и Герцеговина) попала
подъ непосредственное иго иѣмецко-мадъ-
ярской бюрократіи и буржуазіи и не за-
медлитъ попасть въ руки еврейскихъ спе-
куляторовъ, отъ которыхъ не уйдутъ и
обѣ полунезависимыя Болгаріи.

Вотъ плоды кровопролитія, которое на-

вѣрно сгубило до 1 миллиона народу! Слова «Правительственного Вѣстника» о томъ, что дѣло не кончено, — предлагають готовиться къ новымъ кровопролитіямъ, которыхъ исходъ заразѣ нельзя предсказать.

Какъ поправлять бѣду эту славянамъ,— обѣ этомъ мы говорили и поговоримъ еще съ славянами. По нашему мнѣнію, другого имъ средства нѣтъ, какъ образованіе всеславянской радикальной партіи, — безвѣронсповѣдной, демократической и федеральной, которая бы прекратила соперничество православныхъ и католиковъ, отбросила политианство чешскихъ, словинскихъ, польскихъ феодаловъ, прекратила споры за земли поляковъ и русиновъ, чеховъ и словаковъ, сербовъ и хорватовъ, сербовъ и болгаръ и вошла въ тѣсную связь съ подобными ей партіями у неславянскихъ сосѣдей, — румуновъ, грековъ, албанцевъ, итальянцевъ, — и, если они того захотятъ, у нѣмцовъ и венгровъ. Но теперь мы говоримъ съ людьми, принадлежащими Россіи.

Послѣ всего случившагося врядъ ли возможно маломальски мыслящему и добросовѣстному человѣку спорить противъ

мнѣнія, выраженнаго нами еще передъ войною, — а именно, что путь къ уничтоженію господства турокъ константинопольскихъ лежитъ черезъ Петербургъ и состоить въ уничтоженіи господства «турокъ внутреннихъ» надъ Россіею. Да и независимо отъ какихънибудь «восточныхъ вопросовъ» теперь передъ Россіею стоять во весь ростъ внутренніе вопросы, подчеркнутые всѣми тѣми ужасами, какіе обнаружила война даже передъ самыми близорукими глазами!

Вопросовъ этихъ много, — но первый изъ нихъ — это вопросъ политической свободы, т. е. вопросъ устраненія господства чиновниковъ и жандармовъ, прикрываемаго мантіей самодержавія. Въ брошюре «Внутреннее рабство и война за освобожденіе» мы указали тотъ *тіпітим*, меньшее котораго не можетъ погребовать образованное общество, которое не желаетъ своего нравственного и материальнаго банкротства. Это:

1. Неприкасаемость лица и жилища для полиції.
2. Неприкасаемость національностей въ частной и публичной жизни,

3. Свобода и равноправие всѣхъ вѣроисповѣданій.

4. Свобода печати, обученія, сходокъ и обществъ.

5. Самоуправлениe общинъ, земствъ и областей.

6. Земскайс оборъ и отвѣтственность пе-редъ нимъ и судомъ всѣхъ чиновниковъ.

7. Пересмотръ всего соціально-эконо-мического положенія народныхъ массъ.

8. Полная амністія всѣмъ политичес-кимъ преступникамъ.

Является вопросъ о средствахъ, какими можетъ быть достигнутъ и этотъ мини-мумъ. Средствъ этихъ много, начиная отъ выскаживанія мнѣній въ печати, отъ по-дачи заявлений сословіями и выборными учрежденіями и оканчивая открытымъ со-противленіемъ деспотизму и открытымъ на него нападеніемъ. «Могій вмѣстити—да вмѣститъ!» Но не слѣдуетъ забывать словъ Наливайки у Рыльева:

Но гдѣ жъ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода!

Теперь мы поговоримъ объ одной изъ общественныхъ силъ, которая можетъ по-служить дѣлу свободы въ Россіи и сбе-

речь много жертвъ. Безъ этой силы, судя по тому что мы видѣли до сихъ поръ, кризисъ, въ которомъ погибнетъ самодержавіе въ Россіи, будетъ долгъ и мучительнъ. Эта сила — армія.

Армія эта перенесла на себѣ недавно въ сгущенномъ видѣ дѣйствіе всѣхъ прелестей теперешняго управления Россіи. Не ужели же она не пойметъ, гдѣ корень ихъ, или забудетъ пережитое?! Кромѣ того, не ужели же на нее не подѣйствуетъ противоположность между тѣмъ, зачѣмъ она шла за Прутъ, и тѣмъ, что ей довелось тамъ сдѣлать и особенно тѣмъ, что ей придется видѣть и дѣлать въ Россіи?

Положеніе арміи, участвовавшей въ теперешней войнѣ, очень похоже на то, въ какомъ была армія Россіи по возвратеніи изъ Германіи и Франціи послѣ наполеоновскихъ войнъ 1813 — 1815 г.г. Тогда она ходила «освобождать народы отъ всемирного тирана» — и увидѣла благосостояніе, просвѣщеніе и свободу большія, чѣмъ въ Россіи. Теперь, къ стыду нашему, тоже самое почти увидѣла наша армія у народовъ, которыхъ она пришла освобождать отъ «азіатскаго де-

спота и варвара.» Воротившись послѣ 1815 г. въ Россію изъ «войны за освобожденіе» (Befreiungskrieg) армія Россіи увидѣла у себя дома раззореніе народа, крѣпостное право, ханжество, аракчеевщину.

Теперь наша армія увидитъ голодъ крестьянскій, недоимки, рабство народа у кулаковъ и ростовщиковъ, казнокрадство, іезуитовъ въ школахъ и—царство будочниковъ и шпіоновъ, причисленныхъ новымъ указомъ о военномъ судѣ надъ политическими преступниками къ числу членовъ императорской фамиліи! Героямъ Шипки придется, быть можетъ, на другой день прибытія на родину, производить «сѣкуцию» надъ чигиринскими крестьянами, а мученикамъ перехода черезъ Балканы придется, быть можетъ, разгонять стачку рабочихъ на фабрикѣ какого нибудь агента Когена или Варшавскаго, который разжился на счетъ ихъ желудка и спины во время войны. Офицеру, уцѣльвшему при страшной атакѣ на Плевну, придется стрѣлять на улицѣ въ свою сестру во время манифестаціи, вызванной негодованіемъ на жестокій судъ, или проходить церемоніальнымъ маршемъ по мо-

гиль брата, растрѣяннаго за сопротивленіе беззаконнѣйшей и жесточайшой въ мірѣ тайной полиціи!

Ужасное нравственное положеніе!

Между героями противу-иаполеоновскихъ войнъ нашлись люди, которые не могли вынести этого положенія. Они составили политическія общества, имѣвшія цѣлью измѣненіе политического строя Россіи и освобожденіе крестьянъ. Согершенно тоже, съ отличіями сообразно теперешнимъ обстоятельствамъ, должно произойти въ арміи и теперь, если только въ ней не перевелись люди сердца и мысли. «Союзы благоденствія», «Общества соединенныхъ славянъ» и т. п. — прямые дѣйствія къ установлению политической свободы въ Россіи и облегченію соціально-экономического положенія массъ народа, — вотъ въ чемъ должны проявиться это сердце и эта мысль у людей изъ нашей арміи, пережившихъ ужасы послѣдней войны. Теперь же больше надежды на уснѣхъ, чѣмъ въ 1815—1825 г.г. Теперь будугъ дѣйствовать не одни дворяне, не одни офицеры.

Сама по себѣ армія нигдѣ не можетъ

установить даже политической свободы, не говоря уже о социальных реформахъ. Но нигдѣ перемѣна правлениія не возможна безъ ея сочувствія. Въ Россіи же только одна армія, столь долго служившая опорою порабощенія народа, можетъ помочь болѣе скорому паденію деспотизма. Конечно, деспотизмъ этотъ падеть рано или поздно, и то, что мы видимъ въ послѣдніе годы, ясно показываетъ, что рѣшительный кризисъ уже начался. Но кризисъ этотъ можетъ тянуться и годы и стоить многихъ жертвъ. Отъ честныхъ и мыслящихъ людей изъ арміи зависитъ ускорить и облегчить исходъ его въ интересахъ свободы народовъ, образъ которой воискался же, конечно, передъ ихъ воображеніемъ въ трудныя минуты послѣдней войны!....

M. Драгомановъ.

ЖЕНЕВА.

7 сентября 1878 г.

КНИЖКИ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Ukraïno. Movimento literario ruteno in Russia e Gallizia. Firence 1873. 1 fr.

Українець. Література россійска, великорусска, українська, и галицька. Львів. 1873—74.

Галицько-руське письменство. Львів. 1876. Ц. 12 кр. австр.

По вопросу о Малорусской литературѣ. (Панславизмъ, панруссизмъ и панмалорусизмъ). Вена. 1876. Ц. 80 кр. австр.

Турки внутренніе и внешніе. Женева. 1876. Ц. 1 фр.

Внутреннее рабство и война за освобождение. Женева. 1877. Ц 1 фр.

Дѣтубійство, совершаемое русскимъ правительствомъ. Женщины працесса московск. соціалистовъ. Женева. 1877. Ц. 25 с.

Народні школи на Україні серед життя ї письменства в Россії. (З II Ч. «Громади»). Женева. Ц. 3 фр.

За что старики обидѣли и кто сго обижаетъ. Размышленіе по дѣлу Трепова. (Изъ «Общины» № 3 и 4). 1878. Ц. 50 с.

La literature Ouksraïnienne. Genève. 1878. 1 fr.

ЧЕРВЪ Н. GEORG ВЪ ЖЕНЕВЪ И GRAEVE
ВЪ БУКАРЕШТЪ МОЖНО ПОЛУЧИТЬ:
«ГРОМАДА» українська збірка, впоряд-
кована М. ДРАГОМАНОВИМ.

- Ч. I. Переднье слово до Громади. Ц. 2 фр.
Ч. II. Звістки про Україну 1876-77. Ц. 8 фр.
Ч. III. Лихі льуде. Повість. Ц. 2 фр.
Про богатство та бідність. Ц. 25 с.
Про те, як наша земля стала існаша. Ц. 40 с.
Про хліборобство. Як де земля упорядко-
вана і як би слід йій держати. Ц. 80 с.
Реформы и революція Н. Жуковського.
(Ізъ Общины № 5).
Кобзарь Т. Шевченка ч. I. Женева. 1878.
«ГРОМАДСЬКИЙ ДРУГ» місьачник лі-
тературниј і політичниј. Ред. М. Павлик
Львів. Ч I і II 1878 р.
«ДЗВІН» галицько-українська збірка. Ви-
дав М. Павлик. Львів. 1878.
«ОБЩИНА» соціально-революціон. обоз-
рєніє. Женева. Съ января 1878.
Ізъ-за рѣшетки. Сборникъ стихотвореній.
Сытые и голодные. (Очерки изъ исторіи
пролетаріата).
Печатається: Пан-народольубець. Повість,
ТИПОГРАФІЯ «ГРОМАДЫ» ВЪ ЖЕНЕВЪ